

Глава 11. Встреча под луной

Мягкий лунный свет окутывал землю, а мириады звёзд, вкраплённые в бархат ночного неба, казалось, венчали его высокий трон. Их бриллиантовое сияние осыпало плечи Жун Цунцзиня. У самого дворца росли несколько сливовых деревьев, их тёмно-коричневые стволы гордо тянулись к небу, а извилистые ветви, переплетаясь, образовывали густые заросли, усыпанные нежными, словно нефрит, цветами. Их тайный аромат, сотканный из влажной дымки и морозной свежести, плыл в ночном воздухе.

— Цунцзинь, это и вправду ты. — Лёгкий аромат сливы коснулся его одежд, и за спиной раздался тихий голос, в котором, несмотря на сдержанность, звенела неподдельная радость.

— Ваше Высочество, — обернувшись, Жун Цунцзинь поклонился и тихо ответил.

Би Тао и юный евнух удалились. Проницательная Би Тао оставила фонарь на резных перилах, озарив для них небольшой уголок мира.

В тёплом, колеблющемся свете свечи Гу Чжао при луне разглядывал Жун Цунцзиня. Он никогда прежде не делал ничего подобного — тайком, украдкой — и от волнения его ладони вспотели.

— Я уж думал, брат меня обманул, — весело проговорил Гу Чжао. — А ты и вправду здесь.

— Отчего Ваше Высочество так спешил? — Жун Цунцзинь достал шёлковый платок и отёр лёгкую испарину с его лба. Дворец продувался ветрами, и хоть летом здесь было прохладно, в это обманчивое межсезонье легко было простудиться.

— Боялся, что ты уйдёшь, — простодушно ответил Гу Чжао. Его пальцы, словно гусеницы, нерешительно поползли по завязкам на одежде Жун Цунцзиня и, наконец, осторожно ухватились за краешек его рукава.

Он зажал тонкую ткань между большим и указательным пальцами и с облегчением выдохнул, словно выполнил невыполнимую задачу. На его лице расцвела довольная улыбка. В уголках его губ показались ямочки, полные солнечного света и счастья, а в глазах засияли звёзды.

Жун Цунцзинь невольно улыбнулся в ответ. Больше всего он любил в Гу Чжао эту беззаботность, эту искреннюю прямоту.

— Ваш покорный слуга пришёл сюда раньше, чтобы дождаться Ваше Высочество. Как же я мог уйти, не дождавшись вас? В следующий раз не стоит так торопиться.

— Но нельзя же заставлять тебя ждать, — почесал в затылке Гу Чжао.

Раз Цунцзинь согласился стать его принцессой-консортом, значит, в будущем они станут близкими супругами. И хотя никто его не учил, как себя вести, он понимал, что должен ставить Цунцзиня на первое место. Как можно было допустить, чтобы тот, ещё не став его супругом, испытывал пренебрежение?

У Гу Чжао была своя, строгая логика.

— Прошу простить, Ваше Высочество, что я не заходил в последнее время в Восточный дворец, — с лёгкой улыбкой сказал Жун Цунцзинь, тихо объясняя. — Матушка хворает, я не мог её оставить.

— О-о! — Гу Чжао закивал так энергично, словно стучал пестиком в ступке. Он и не сердился вовсе, а теперь и подавно простил Жун Цунцзиня.

Когда Цунцзинь говорил тихо, его голос напоминал звон нефритовых осколков, рассыпающихся по небу, и каждое слово было наполнено нежностью и лёгкостью.

Гу Чжао, не в силах скрыть своего восхищения, с влюблённым видом смотрел на него снизу вверх, продолжая держаться за его рукав.

Жун Цунцзинь молча позволял ему себя разглядывать. Их взгляды встретились, и обоим показалось, что время замерло, и они лишь желали, чтобы эта встреча длилась как можно дольше.

— Вашему Высочеству надобно беречь себя, — всё же решился нарушить тишину Жун Цунцзинь.

Гу Чжао поспешно кивнул.

— Я каждый день пью миндальный чай с мать-и-мачехой.

— Ваше Высочество — большой молодец, — улыбнулся Жун Цунцзинь. Они сидели на скамье из белого нефрита в угловой башне.

— Через несколько дней у Вашего Высочества день рождения. Боюсь, я не смогу присутствовать. Это вам. — Жун Цунцзинь вложил в ладонь Гу Чжао изящную золотую коробочку для благовоний и, прикрыв его пальцы своей рукой, прошептал: — Это благовония, которыми я обычно пользуюсь. Добавляйте их в курильницу перед сном, и они помогут вам спать спокойно.

По обычаям императорского дома Цинь, принцы в двенадцать лет переезжали из покоев матери. Гу Чжао также в двенадцать покинул боковой флигель дворца Чанчунь. Но из-за своего недуга он, живя один во дворце Юннин, становился жертвой насмешек младших принцев.

Днём они рассказывали ему страшные истории о призраках и демонах, отчего он не мог уснуть всю ночь.

По идее, дворцовая стража должна была нести дежурство всю ночь, но Гу Чжао был мягок, а о его болезни знали все. Прислуга во дворце Юннин обленилась и, зажигая пару ламп, уходила отдыхать за ширму.

Наследный принц был занят делами двора, а императрица — гаремом, бесчисленными банкетами и церемониями. Кому было дело до этого?

В прошлой жизни, услышав эту историю, Жун Цунцзинь был убит горем. Он даже спросил Гу Чжао, почему тот не прогонит одиннадцатого и двенадцатого принцев. Гу Чжао лишь растерянно ответил, что хоть они и дразнят его, но не питают к нему ненависти. Дворец Юннин долгое время был пуст, и он просто хотел, чтобы кто-то с ним поговорил.

Сердце Жун Цунцзиня сжалось от этих слов. Хотя наследный принц и отбил его у семьи Юй, что можно было счесть проявлением заботы о младшем брате, но, лишь став супругом Гу Чжао, он понял: к тому относились, как к засухоустойчивому растению. Когда было время, на него выливали ушат воды, а когда не было — месяцами не вспоминали. Гу Чжао был предоставлен сам себе.

— Первое моё желание — чтобы Ваше Высочество были счастливы и жили в мире. Второе — чтобы были здоровы и не знали бед, — тихо произнёс Жун Цунцзинь. — А третье... чтобы Ваше Высочество состарились вместе с любимым человеком.

Гу Чжао на миг замер. Он опустил взгляд на изящную перламутровую коробочку с изображением нефритового кролика в лунном дворце и с нежностью провёл пальцем по её узору.

— Какая красивая, — прошептал он.

Любой бы услышал в его голосе восхищение и трепет.

— Ваше Высочество родились пятнадцатого числа. Разве вы не тот самый нефритовый кролик с полной луны? — с улыбкой спросил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао осторожно спрятал коробочку в рукав. На душе у него стало тепло, как в весеннем пруду. Он несколько раз коснулся её сквозь ткань, чтобы убедиться, что она не выпадет, а затем, опустив рукав, словно невзначай положил ладонь на руку Жун Цунцзиня.

— Это... — пробормотал он, его губы дрогнули.

— М-м? — мягко отозвался Жун Цунцзинь.

Гу Чжао мгновенно обрёл уверенность, словно Цунцзинь позволил бы ему всё.

— У меня день рождения... можешь подарить мне ещё один подарок? — Ладони Гу Чжао вспотели, но отчего-то осязание обострилось, и он чувствовал, какой нежной и мягкой была рука, на которую он положил свою.

— Прошу, Ваше Высочество.

— Ну... то, что ты обещал в прошлый раз, — пробормотал Гу Чжао, но глаза его засияли ещё ярче.

В свете свечи прекрасное лицо Жун Цунцзиня, словно драгоценный нефрит, излучало мягкое сияние, подёрнутое туманной дымкой. Лунный свет, тонкий, как шёлк русалки, окутывал тихую ночь, а тени от луны, качаясь, ложились на его фигуру. Волосы его были забраны лишь одной шпилькой с изображением птицы Цинлуань, и он казался небожителем.

— Что? — Красавец слегка нахмурился, не понимая.

Этот едва заметный жест — наклон головы, лёгкая морщинка меж бровей — в его исполнении был прекраснее любого пиона, воплощением небесной красоты.

Сердце Гу Чжао затрепетало. Смутившись, он поспешно отдернул руку, и перламутровая коробочка в рукаве ударилась о локоть. Холодный металл вернул его к реальности.

— Ну... это, — вновь обрёл он толику смелости и, указав пальцем на свои губы, покраснел, не дожидаясь ответа.

«Надо же, у тебя ещё и такие мысли. И ты даже не стесняешься просить об этом в качестве подарка на день рождения».

Жун Цунцзинь усмехнулся, но не рассердился.

— Ваше Высочество может делать со мной всё, что пожелает, — тихо кивнул он.

Он согласился. Гу Чжао был на седьмом небе от счастья. В его одиноком ночном небе расцвели тысячи ослепительных фейерверков. Медленно, сантиметр за сантиметром, он придвинулся ближе. Жун Цунцзинь опустил ресницы, и их густая тень легла на щёки двумя изящными, тонкими мазками туши. В ясном свете луны его кожа, подобная льду, казалась прозрачной, а облик — величественным и чистым.

Чем ближе подбирался Гу Чжао, тем сильнее билось его сердце. Он почти ощущал лёгкий аромат сливы, исходивший от шеи Жун Цунцзиня, словно приближался к своей мечте — к фее

из лунного дворца.

Он медлил, не решаясь осквернить божество.

Прошло немало времени. Жун Цунцзинь ощутил на лбу лёгкое прикосновение, подобное трепету крыльев бабочки, коснувшейся цветка, или снежинке, растаявшей в прозрачной воде озера.

Это было трепетное, благоговейное прикосновение, лишённое малейшей пошлости.

Жун Цунцзинь медленно открыл глаза и встретился взглядом с Гу Чжао. В его глазах он увидел плещущиеся волны, полные пленительного света, осеннюю воду.

— Когда я смогу на тебе жениться? — Гу Чжао был доволен. Ему казалось, что Цунцзинь прекраснее лунного света. Но при этой мысли он немного помрачнел. — Брат сказал, что ты уже помолвлен, но не со мной. Он велел спросить у тебя.

— Это дословные слова наследного принца? — удивился Жун Цунцзинь.

— Нет, — нахмурился Гу Чжао, пытаясь вспомнить. — Я забыл.

Всё равно его брат наговорил кучу всего, но ничего важного.

Жун Цунцзинь, сопоставив факты, уловил в этом недовольство наследного принца.

— А в тот день, в императорском саду, наследный принц спрашивал о чём-нибудь? — поспешно уточнил он.

— Да! — радостно кивнул Гу Чжао. Он был особенно счастлив, когда знал ответ на вопрос Жун Цунцзиня.

— И что же Ваше Высочество ответило? — осторожно спросил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао надолго задумался, его густые брови сошлись на переносице.

— Брат спросил меня... рад ли я был тебя видеть? — с трудом вспомнил он.

— И я сказал, что, конечно, рад. Ты ведь разрешил мне тебя поцеловать.

— А потом... — с трудом выговорил Жун Цунцзинь.

— Брат спросил, почему ты разрешил мне себя поцеловать... и я сказал ему... — Гу Чжао, запинаясь, пытался вспомнить, и его лицо постепенно прояснялось. — Я сказал брату, что ты станешь моей принцессой-консортом!

— Брат даже дважды рассмеялся.

Жун Цунцзинь потерял дар речи. Перевернутая с ног на голову история выставляла его карьеристом, который с помощью своей красоты ищет власти и богатства, обманывая простака. А наследный принц ещё и рассмеялся... Наверное, это был холодный смех.

Жун Цунцзинь приложил руку ко лбу, не зная, что и сказать.

— Брат очень хороший, — подчеркнул Гу Чжао.

На самом деле, по своей детской натуре, он не любил, когда наследный принц при каждой их редкой встрече торопливо поучал его, чтобы тот не баловался, слушал окружающих, стремился к совершенству, помнил о своём высоком статусе и не водился с евнухами и стражниками.

Он, конечно, кивал, но пропускал всё мимо ушей.

Но на этот раз всё было иначе. Наследный принц помог ему осуществить заветное желание, он был для него настоящим спасителем.

Отношения между братьями стали самыми тёплыми и гармоничными за последние несколько лет.

Даже если из слов Гу Чжао наследный принц легко мог составить образ алчного до власти, подбострастного юноши из рода Динъюань, который обманывает дурака, он не смел открыто упрекать Жун Цунцзиня. Боялся разбить нефритовый кувшин, целясь в мышь, — то есть, ранить сердце Гу Чжао.

— Ваше Высочество, не могли бы вы обещать мне кое-что? — Жун Цунцзинь встречался с наследным принцем всего несколько раз в прошлой жизни и не был с ним хорошо знаком, но оба были достаточно умны, чтобы через Гу Чжао на восемь-девять десятых понять характер друг друга.

Жун Цунцзинь понимал, что мгновенно изменить мнение наследного принца о себе он не сможет. Хорошо бы просто не усугубить неприязнь.

— Всё, что угодно, для Цунцзиня, — тут же кивнул Гу Чжао. — Не одну вещь, а сто, если попросишь.

— Не рассказывайте больше наследному принцу о наших встречах, хорошо? — Щёки Жун Цунцзиня слегка покраснели. — Отныне это будет наш секрет.

— О-о, — растерянно кивнул Гу Чжао, было неясно, понял он или нет.

Жун Цунцзинь с лёгким вздохом поправил его одежду, разглаживая складки на воротнике. Он понимал, что, выбрав в мужа Гу Чжао, придётся смириться с тем, что тот, по своей наивности, будет всё выкладывать наследному принцу.

На душе у Гу Чжао потеплело. Он осторожно взял кончики пальцев Жун Цунцзиня и протянул:

— Невестка вышила брату мешочек для благовоний...

Невесткой Гу Чжао мог называть лишь принцессу-конорта наследного принца из клана Шао.

Жун Цунцзинь понял его недвусмысленный намёк и слегка напрягся.

— Это очень хорошо, — неопределённо ответил он. — Банкет скоро закончится, Вашему Высочеству пора возвращаться.

— Ох... — кивнул Гу Чжао, но, поднимаясь, не удержался и добавил: — Мешочек вышит узором из вьющихся трав и золотыми нитями — парочка уточек-мандаринок.

— Я тоже сделаю Вашему Высочеству такой, — не выдержав умоляющего взгляда Гу Чжао, сдался Жун Цунцзинь. Тот смотрел на него, как голодный щенок, своими тёмными, влажными глазами.

— Это же будет тебе в тягость, — быстро проговорил Гу Чжао. — Я бы хотел с цветущей веткой сливы.

— Хорошо, — вздохнул Жун Цунцзинь. Он понял, что в императорском дворце даже такой простак, как Гу Чжао, был хитрее обычных людей и умел заманить его в ловушку, из которой он сам был рад не выбираться.

— Коридор тёмный, а ваш фонарь слишком тусклый. Пусть слуга проводит вас с этим, — Гу Чжао был на удивление послушен. Жун Цунцзинь велел ему уходить, и, хотя тому хотелось сидеть здесь до рассвета, он, с тоской взглянув на Цунцзиня, собрался уходить. Жун Цунцзинь остановил его и вложил ему в руки стеклянный фонарь с изображением красавицы.

— А ты? — с нежностью спросил Гу Чжао.

— Попрошу слугу оставить фонарь на втором этаже башни. Мы пойдём разными путями.

— Ох, — Гу Чжао пошёл, но то и дело оглядывался.

Жун Цунцзинь посидел ещё немного. Прикинув, что на банкете уже, должно быть, подали восьмую чашу вина, он встал и вместе с Би Тао направился обратно.

Два тёплых оранжевых огонька фонарей качнулись в последний раз, и крытая галерея снова погрузилась в тихую ночную тьму.

Спустя некоторое время из-за причудливых камней Тайху, что у пруда в центре сада, напротив башни, появилась тень.

Это был Юй Линси.

Он видел всё от начала до конца, и его душил гнев.

Его дед, старейшина павильона Юй, уже почти отошёл от дел, занимая лишь почётную должность без реальных полномочий. Место семьи Юй на банкете было почти в самом конце зала Цзычэнь, и от рода Динъюань их отделяло множество чиновников, слуг и дворцовых девиц. Он даже не мог разглядеть профиль Жун Цунцзиня.

К счастью, после встречи в храме Юйцин он примерно представлял себе внешность Жун Цунцзиня. Сидеть в конце зала имело и свои преимущества: он мог сквозь резные ширмы разглядеть лица тех, кто покидал боковые галереи, в то время как они не замечали движения за ширмами.

Увидев, как Жун Цунцзинь и та самая служанка из храма Юйцин покинули свои места, он тоже незаметно выскользнул наружу. Он хотел найти уединённое место, перехватить Жун Цунцзиня и спокойно поговорить. В конце концов, они были обручены. Если Жун Цунцзинь капризничает, он, как будущий муж, мог бы его урезонить. А после свадьбы он заставит Ин-нян извиниться перед ним, и тот, вероятно, успокоится.

Он проследовал за ними до угловой башни и хотел было собраться с мыслями, прежде чем подняться, но не успел: появился кто-то ещё. Слуга с фонарём, расписанным журавлями и павильонами, вёл за собой другого человека. Было очевидно, что это тайное свидание!

Юй Линси инстинктивно метнулся в сторону и спрятался в зарослях камней Тайху.

Третий этаж башни был наполовину открыт. Фонарь стоял на перилах. Они не заметили, что в темноте за ними наблюдают. Они долго разговаривали, затем Жун Цунцзинь что-то передал своему любовнику. Тот, более худой и высокий, медленно, нерешительно приблизился к Жун Цунцзиню, который и не думал уклоняться. Их силуэты слились в один, и в тёплом,

колеблющемся свете свечи они казались парой влюблённых. Хотя это длилось всего мгновение, они соприкоснулись.

Юй Линси словно поразила молния. Гнев, подобно штормовой волне, захлестнул его, и он задрожал.

«Ах ты! Обручён, а уже изменяешь за спиной у мужа!» Юй Линси не мог стерпеть такого унижения и хотел тут же выскочить и поймать их с поличным.

Он заставит род Динъюань ответить за этот позор. Жун Цунцзинь должен будет умереть, чтобы смыть бесчестье, а его любовник — быть опозоренным на всю столицу.

Но в последний момент, когда он уже готов был выскочить, холодный ветер остудил его пыл. Жун Цунцзинь — дело неважное, но раз он устроил свидание во дворце, значит, его любовник — человек знатный. Они могли встречаться только на таких торжествах, как сегодняшний банкет.

Как бы не вышло так, что, пытаясь поймать любовников, он сам попадёт впросак.

Юй Линси замешкался и упустил момент. Слуга с фонарём удалился по галерее. Спрятавшись за камнями, он изо всех сил пытался разглядеть лицо любовника, но в темноте видел лишь его подбородок.

Однако он отчётливо разглядел фонарь, который тот нёс, его свет падал на землю — это был стеклянный фонарь с изображением красавицы!

Вернувшись на своё место, Юй Линси был настороже. Император, прищурившись, сидел на своём ложе и наблюдал за танцующими девушками, его морщины, казалось, источали хмельной аромат праздника.

Жун Цунцзинь под руководством слуги вернулся к отцу и братьям. Опустив глаза, он молча застыл, как истукан, и больше не бросил ни единого взгляда в сторону Гу Чжао.

Наследный принц, однако, искоса взглянул на него. Заметив, что его причёска в порядке, а лицо сияет красотой, он решил, что тот вёл себя с Гу Чжао сдержанно. И всё же ему удалось так осчастливить его глупого брата.

Теперь Гу Чжао с самого утра, ещё в нижнем белье, залпом выпивал целый чайник чая с мать-и-мачехой. Слова самого наследного принца никогда не имели такого эффекта. В его душе шевельнулась лёгкая ревность.

Пока наследный принц размышлял, Жун Цунцзинь, из-под густых ресниц, бросил быстрый взгляд на его подтянутый живот, скрытый за золотым столом, и тут же отвёл глаза.

Возможно, это было лишь его воображение, но ему показалось, что взгляд Жун Цунцзиня на мгновение задержался на его поясе, а затем его брови слегка нахмурились, и лицо омрачила тень печали.

Наследный принц: ???

Мимолётного взгляда Жун Цунцзиню хватило, чтобы рассмотреть узор на мешочке для благовоний у пояса наследного принца. Это действительно был мешочек с узором из выющихся трав и уточек-мандаринок, о котором говорил Гу Чжао. Вышивка была искусной, стежки ровные, а тонкие золотые нити, словно плывущие облака, обрамляли пару играющих в воде уточек, которые выглядели как живые.

Такого мастерства ему и за десять лет не достичь, не говоря уже о том, что Гу Чжао просил ещё и ветку сливы.

Жун Цунцзинь втайне сокрушался. После девятой чаши вина император покинул зал. Все придворные поклонились, а послы иностранных государств и вассальных княжеств вышли через западные врата.

Затем удалились принцы и знать. Юй Линси, ссутулившись, стоял позади отца и дядей. Их семья, вместе с другими мелкими чиновниками, теснилась в галерее, ожидая, пока знать покинет дворец Цзычэнь и спустится по ступеням.

Ночь была глубокой. Слуги и дворцовые девицы несли фонари. Юй Линси, стоя в углу, не сводил глаз с разноцветных огней в ночи...

Полная фигура прошла мимо с фонарём. Восьмигранный стеклянный резной фонарь с изображением красавицы, лениво пробуждающейся весной под цветущей бегонией, и надписью «Восточный ветер веет в высоких залах». Это был тот самый фонарь, который запечатлелся в его памяти. Взгляд Юй Линси тут же приковался к нему, а затем он с нетерпением посмотрел на того, кто шёл за слугой.

Величественная, статная фигура медленно приближалась. Юй Линси, стиснув зубы, медленно поднимал взгляд: широкие плечи, изящная шея, чёткая, словно выточенная резцом, линия подбородка, даже угол, под которым тот был слегка приподнят, был тем же.

«Точно, — кивнул про себя Юй Линси, — это он, любовник!» Он хотел увидеть, кто же это.

Юй Линси широко раскрыл глаза и поднял взгляд. Перед ним предстало необычайно красивое и мужественное лицо: волосы, словно вырезанные ножом, брови, взлетающие, как мечи, а в глазах, ленивых и царственных, таился хищный блеск, будто лезвие, небрежно скользящее по коже.

Наследный принц?! Юй Линси не мог поверить своим глазам и, пошатнувшись, отступил на несколько шагов назад.

<http://bllate.org/book/13698/1582850>